Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 8 (514). С. 65–70.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(8(514):65-70.

Научная статья

УДК 81'373.45

doi: 10.47475/1994-2796-2026-514-8-65-70

ЯЗЫК КАК МЕСТО ВСТРЕЧИ: ДИАЛЕКТИКА ЗАИМСТВОВАНИЯ И САМОБЫТНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Алина Юрьевна Епимахова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, aline_@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема замещения англоязычных заимствований в русских профессиональных подъязыках. Выходя за рамки сугубо лингвистического описания, авторы предлагают философскую интерпретацию данного процесса как экзистенциального выбора между онтологической укоренённостью исконного слова и функциональной точностью «чужого» термина. На материале IT-сферы и терминосистемы риелторской деятельности (2015–2025 гг.) анализируются стратегии замещения, а также выявляются границы применимости этих стратегий, обусловленные не только языковой экономией, но и глубинными слоями коллективного бессознательного.

Ключевые слова: заимствование, профессиональная коммуникация, коллективное бессознательное, терминология, замещение

Для цитирования: Епимахова А. Ю. Язык как место встречи: диалектика заимствования и самобытности в профессиональной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 8 (514). С. 65–70. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-514-8-65-70.

Original article

LANGUAGE AS A MEETING POINT: THE DIALECTIC OF BORROWING AND DISTINCTIVENESS IN PROFESSIONAL COMMUNICATION

Alina Yu. Epimakhova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, aline_@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of replacing English-language borrowings in Russian professional sublanguages. Going beyond a purely linguistic description, the authors offer a philosophical interpretation of this process as an existential choice between the ontological rootedness of the native word and the functional precision of the "alien" term. Based on materials from the IT sector and the terminological system of real estate activity (2015–2025), the strategies of substitution are analyzed, and the boundaries of their applicability are identified, determined not only by linguistic economy but also by the deep layers of the collective unconscious.

Keywords: borrowing, professional communication, collective unconscious, terminology, substitution

For citation: Epimakhova AYu. Language as a Meeting Point: The Dialectic of Borrowing and Distinctiveness in Professional Communication. *Bulletin of the Chelyabinsk State University.* 2026;(8(514):65-70. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-514-8-65-70.

Постановка проблемы. Любой развитый язык в ходе своей истории неизбежно сталкивается с инокультурным давлением. Русскому языку это знакомо не понаслышке: каждая переломная эпоха — от реформ Петра до современных цифровых реалий — сопровождалась притоком иноязычных элементов. Однако если мы отказываемся от узкоинструментального взгляда на язык и соглашаемся с хайдеггеровской метафорой «дома бытия», то проблема заимствований перестаёт быть сугубо лексикографической и приобретает черты онтологического вызова. А. А. Реформатский в своё время заметил, что «термин не должен быть иностранным словом там, где есть своё» [Реформатский, 1961, с. 48]. За этой фразой стоит не просто призыв к лингвистической экономии,

© Епимахова А. Ю., 2026

но требование смысловой ответственности: исконное слово не всегда оказывается доступным, а чужое — не всегда остаётся абсолютно чуждым.

В профессиональной коммуникации названное противоречие обостряется до предела. Точность и однозначность здесь сопряжены с реальной ответственностью за результат, а потому проблема выбора между родным и заимствованным приобретает характер ценностного конфликта. 1990–2020-е гг. стали для русского языка периодом массированной экспансии англицизмов (*киллер, консалтинг, дедлайн*), многие из которых дублируют уже имеющиеся исконные средства [Крысин, 2004, с. 152–155; Маринова, 2011, с. 78–81]. Но за этим дублированием угадывается более глубокая коллизия: несовпадение мировосприятий, при котором «предельный срок» звучит почти как приговор, а «дедлайн» воспринимается как нейтральная техническая помета.

Мы понимаем профессиональную коммуникацию не как простой обмен сведениями, а как событие совместного смыслопорождения. В этом контексте устные и письменные жанры (*совещания, отчёты, форумы*) становятся не просто каналами информации, но модусами существования профессионала [Современный русский язык, 2008, с. 234–237].

Заимствованная лексика в нашем исследовании — это не просто иноязычные единицы, а носители иного логоса. Критерием их «чужеродности» служит не этимология сама по себе, а степень освоенности бытием: варваризм вроде шутливого «компудахтер» — это ещё не слово, а только звуковой призрак, тогда как «школа» или «класс» давно перестали ощущаться заимствованиями [Крысин, 2004, с. 98–102].

Под *замещением* мы понимаем не техническую замену знаков, а онтологический акт переименования, когда заимствованная единица уступает место исконной при сохранении тождества денотата. Как отмечает В. В. Дубичинский, «лексикографическое описание терминов требует учёта их происхождения и степени укоренённости в языке» [Дубичинский, 2019, с. 156]. Однако с философской точки зрения ключевым становится вопрос: возможна ли полноценная замена без утраты смыслового жеста?

На основе анализа профессиональных текстов и устной речи (2015–2025 гг.) выделены две основные стратегии, каждая из которых отражает определённую философскую позицию.

Функционально-семантическое замещение: возвращение к корню

Данная стратегия предполагает обращение к уже существующему в языке исконному слову, полностью покрывающему семантику заимствования. Речь идет об акте *номинативной справедливости*: «дедлайн» → «предельный срок», «офлайн-встреча» → «очное обсуждение», «релизапдейт» → «обновление». В корпоративной переписке IT-компаний, как показало наблюдение, в официальных регламентах сознательно избегают «дедлайна» в пользу «предельного срока». Однако в устной речи «дедлайн» доминирует.

Словообразовательное (калькирующее) замещение: творение нового логоса

Эта стратегия применяется, когда прямого аналога нет, но его можно «вырастить» из материала родного языка — через приставки, суффиксы или семантическое калькирование. «Лизинг» → «финансовая аренда», «бенчмаркинг» → «сопоставительный анализ». Как подчёркивает Е. В. Маринова, «калькирование является одним из наиболее продуктивных способов освоения иноязычных понятий» [Маринова, 2011, с. 112].

Здесь важен философский нюанс: калька — это не перевод в узком смысле, а пересотворение смысла. Когда «тайм-менеджмент» превращается в «управление временем», мы не просто меняем оболочку — мы заново определяем само отношение ко времени: от внешнего *менеджмента* (управление чем-то чужим) к внутреннему *управлению* (распоряжению собственным временем). Пример с «прокрастинацией» особенно показателен: описательное «синдром откладывания дел» точнее передаёт суть для неспециалистов, но внутри профессионального сообщества сохраняется краткое заимствование, ибо оно экономит онтологическое усилие [Крысин, 2004, с. 203].

Замещение — не административная директива, а естественно-языковая процедура. И здесь философия напоминает нам о герменевтическом круге: не всё подлежит замене, и это нормально. Если существует краткий и точный русский аналог — его использование целесообразно. Но успех замещения прямо зависит от того, насколько глубоко заимствование вошло в дискурс. Как справедливо отмечалось ранее в исследованиях о конкуренции терминов, далеко не всякое иноязычное слово может быть заменено без потери функциональной адекватности [Епимахова, 2006, с. 43].

Более того, терминология, по Реформатскому, «стремится к однозначности и отсутствию эмоциональной окраски» [Реформатский, 1961, с. 50]. Именно это требование часто делает заимствование онтологически более удобным. Исконный аналог может нести нежелательные коннотации, которые искажают профессиональную реальность. Например, «андеррайтинг»,

«секьюритизация», «форвард», «опцион» обозначают реалии, отсутствовавшие в российской хозяйственной традиции. Здесь говорить о замещении некорректно — перед языком стоит задача не замены, а задача освоения нового горизонта через заимствование или калькирование [Крысин, 2004, с. 118; Маринова, 2011, с. 95].

В сфере недвижимости проблема проявляется наиболее рельефно. Ниже представлена таблица 1 заимствованных терминов с их историческими эквивалентами, составленная с учётом этимологии и функциональных аналогий. Однако философский вывод здесь важнее самого перечня.

При подборе эквивалентов мы опирались на исконную лексику, кальки и функциональные аналогии (параллели). Однако, как показывает анализ, большинство этих аналогов остаются историческими реконструкциями, а не живыми терминами. Причина — онтологическая несовместимость (несоразмерность): современные

Таблица 1

Заимствованные термины и их исторические эквиваленты (составлено с учётом этимологии и функциональных аналогий)

Заимствованный термин	Русский эквивалент	Исторический контекст
Риелтор	Маклер, ходатай по домовым делам, сводчик	До революции 1917 года посредников при сделках с недвижимостью называли **маклерами** или **сводчиками**. В юридическом обиходе — **ходатай**.
Андеррайтинг	Порука, круговая порука, подпись под риском	Термин происходит от англ. underwriting (подписываться под риском). В русском языке ближайший аналог — **порука** (договор, по которому поручитель отвечает за действия должника).
Апостиль	Проставительная грамота, удостоверительная надпись	Специальный штамп для легализации документов. Поскольку понятие международного права новое, предлагается описательный термин: **проставительная грамота** (от «проставлять печать») или **удостоверительная надпись.**
Брокер	Маклер, купец-посредник, прасол (устар.)	Посредник между продавцом и покупателем на бирже. На Руси таких людей называли **маклерами** (от нем. Makler) или **прасолами** (оптовый скупщик скота и хлеба).
Инвестиционный Проект	План доходный, капитальный замысел, торговое предприятие	План вложения средств. Старорусский аналог: **доходный план** или **капитальный замысел** (от лат. capitalis — главный, но адаптированный).
Ликвидность	Оборотность, скорость обращения, сплавность (калька)	Способность товара быстро превратиться в деньги. Древнерусская калька с латинского liquidus (текучий) — **сплавность** (от «сплавлять», переносить), либо **оборотность** (способность оборачиваться).
Холдинг	Держательное общество, объединение державное	Компания, владеющая контрольными пакетами акций других предприятий. Славянская калька: **держательное общество** (от «держать», англ. hold).
Европланировка	Распоряд комнатный, городовой уклад	Планировка квартиры по западным стандартам (совмещённые зоны). В противовес традиционной русской избе с перегородками можно назвать **открытый распоряд** или **городовой уклад** (с акцентом на компактность).
Евростандарт	Качество образцовое, мера торговая единая	Норма качества. В царской России существовала система калибровки мер и весов, можно использовать термин **образцовая мера** или **торговая единица**.
Ипотека	Кабала, закладная, домовая крепость	В Древней Руси залог недвижимости оформлялся **закладной кабалой** (долговая расписка) или **закладной**.
Эскроу-Счет	Условное депонирование, счёт приказной, казна поручительная	Специальный счёт, на который кладутся деньги до выполнения условий сделки. По сути — депонирование у третьего лица. Старорусский аналог: **счёт приказной** (деньги у приказчика/нотариуса) или **поручительная казна.**

финансовые реалии (андеррайтинг, ликвидность, эскроу) возникли в иной экономической формации и не имеют прямых «родственников» в допетровской Руси.

Для проверки границ тотального замещения мы провели лингвистический эксперимент: современное описание квартиры в жилом комплексе делюкс-класса было переведено на язык, максимально приближенный к допетровской деловой и бытовой лексике. Исходный текст содержал маркеры, типичные для современной риелторской терминосистемы: *делюкс-класс, отделка под ключ, кухня-гостиная, гардеробная, сантехника, паркет, гарнитур*. В результате эксперимента был получен следующий архаизированный вариант:

«Палата господская, о двух спальнях, что в хоромном стоянии Делюкс-класса, нарекаемом Бродский. Сия храмина мерою в полутору сотню локтей поперечных предложена к купле со всякой отделкой и домовитой снастью. Внутреннее украшение учинено в светлых и скромных тонах... Распоряд внутри таков: поварня-светлица (купно) — 42 локтя, опочивальня господская — 27 локтей, с особливым рундуком для платья и мыленкой... Полы устланы дубовым крашеным тесом, стены украшены мрамором диким. В поварне поставлен рундук кухонный работы италийского мастера...»

Анализ этого эксперимента показывает, что формальная замена лексики возможна, но она приводит к фундаментальной трансформации жанра. Текст перестаёт быть коммерческим описанием (инструментом сделки) и становится литературной стилизацией или историческим курьёзом. Рассмотрим причины данной трансформации с точки зрения оправданности замещения.

Разум, зная исконные эквиваленты, упорно сопротивляется их внедрению. Здесь мы сталкиваемся с тем, что К. Г. Юнг обозначил как **коллективное бессознательное** — совокупность универсальных архетипов, передаваемых через культуру и историю, но не рефлексируемых индивидом напрямую [Jung, 1991].

Применительно к нашей проблеме мы выделяем два архетипических конфликта, объясняющих, почему эксперимент с «палатой» не состоялся, а рынок продолжает выбирать «делюкс».

В коллективной памяти русского народа (особенно городских слоёв, формирующих спрос на недвижимость) лексемы типа «изба», «рундук» или «крашенина» архетипически связаны с выживанием, бедностью или принудительным трудом (барщина, община). Они активируют архетип «тени» (по Юнгу) — тёмную, тяжелую, недостойную страницу истории.

Когда современный риелтор говорит «кухня-гостиная», он архетипически встраивается в миф о современном горожанине-космополите. Когда же он произносит «поварня-светлица», его подсознание (и подсознание клиента) отбрасывает его в архетип крепостного крестьянина. Заимствование здесь выступает не как языковая роскошь, а как психологическая защита, оберегающая профессиональную идентичность от возврата в архаику.

В европейских заимствованиях (*делюкс, премиум, брокер, эскроу*) русское профессиональное сознание видит архетип «героя-первооткрывателя» или «мудрого чужеземца». По Юнгу, «чужое» часто проецируется как носитель нового знания, магии и порядка, которого нет в «своём» хаосе.

Именно поэтому названия брендов *Miele* и *Villeroy&Boch* в нашем эксперименте невозможно перевести. В сознании покупателя они являются не просто сантехникой, а архетипическими амулетами качества и статуса. Замена на «утварь немецкого дела» разрушает этот магический ореол, лишая сделку сакрального смысла «приобщения к западному миру».

Практический вывод из нашего анализа парадоксален: **борьба с заимствованиями на уровне сознательной воли обречена на неудачу, если она игнорирует запросы коллективного бессознательного**. Языковой пуризм, требующий заменить всё «чужое» на «своё», конфликтует с глубинными психическими структурами, которые жаждут именно «чужого» как знака свободы и прогресса. Как справедливо отмечает А. Б. Невелев, современное философское осмысление языковых процессов требует не простой замены терминов, а «переразметки бытия» — пересмотра тех смысловых координат, в которых слово обретает свою укоренённость, что, в конечном счете, задает обновленный порядок изложения и само изложение [Невелев, 2026, с. 7–8]. Именно в таком ключе мы предлагаем рассматривать проблему выбора между исконным и заимствованным термином.

Баланс достигается не запретами, а осознанным архетипическим менеджментом. Возвращаясь к эпиграфу нашей статьи (Реформатский о недопустимости иностранного слова там, где есть своё), мы должны признать: «своё» в профессиональной коммуникации — это не только этимология, но и психологическое освоение.

Слово «дедлайн» сегодня для IT-специалиста стало более «своим», чем книжное «предельный срок», потому что оно лишено бюрократического холода и вписано в архетип «командной гонки». И наоборот, слово «порука» (как аналог

андеррайтинга) осталось абсолютно чужим для финансиста, поскольку пробуждает архетип «круговой поруки» — исторического страха, от которого профессия стремится дистанцироваться.

Следовательно, **замещение оправдано только тогда, когда оно не насилует коллективное бессознательное.**

Истинная языковая политика в профессиональной среде — это не борьба с англицизмами и не искусственная архаизация, а герменевтика глубины. Задача лингвиста и практика — не заменять слова механически, а понимать, какой архетип стоит за каждым заимствованием. Если за ним стоит неосвоенная реалия (эскроу-счёт) или социально-нейтральная функция (кухонный гарнитур), пусть остаётся. Если за ним только модный флёр, а исконный аналог точен («огласить» вместо «озвучить») — замена приветствуется.

Язык развивается не по приказу министерств, а по законам психической экономии. Мы берём чужое слово не потому, что оно «красивее», а потому, что оно позволяет нам ощущать себя современными, свободными и понятыми. В этом диалектическом танце «своего» и «чужого» рождается живая профессиональная речь, где баланс — это не статичная норма, а вечно подвижное равновесие смыслов.

Особого внимания заслуживает классификация жилья по уровню комфорта: эконом, стандарт, бизнес, премиум, люкс, элитный, комфорт. В работе предложены исконные параллели: убогий чин, середний чин, купеческий чин, боярский чин, царский чин, родовитый чин, добротный чин.

В данных примерах действует тот же принцип языкового минимализма и отсутствия оценочной коннотации: «бизнес» короче, чем «купеческий чин», а «премиум» — чем «боярские хоромы». В профессиональной среде скорость коммуникации становится экзистенциальной ценностью. Исконные слова («убогий», «середний», «чернь») несут в себе социальный стыд, историческую память о сословном унижении. Они онтологически тяжелы. Заимствования же («эконом», «стандарт») воспринимаются как нейтральные технические маркеры, лишённые морального веса. Как верно подмечено в теории терминоведения, выбор в пользу заимствованного термина объясняется не только точностью, но и эмоциональной стерильностью — требованием, которое диктует маркетинг, но которое восходит к более глубокой потребности: не ранить словом.

Исконный «убогий» — это не просто «бюджетный», это жалкий, нищий. В коммерческой классификации такая коннотация разрушительна. Заимствование «эконом» эту травму снимает, выполняя функцию семантического анестетика. Данная закономерность прослеживается по всей цепочке: заимствования (стандарт, бизнес, премиум) вытесняют исконные параллели, потому что последние слишком плотно привязаны к прошлому, к сословной иерархии, к незажившим социальным шрамам.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о дифференцированном характере замещения в разных профессиональных сферах. В IT и экономике наблюдаются успешные примеры вытеснения заимствований исконными аналогами (например, «предельный срок»). В терминосистеме риелтора потенциал замещения существенно уже.

Это ограничение не является недостатком языка или слабостью его носителей. Напротив, оно указывает на мудрость языка: язык не заменяет то, что чревато смысловой болью. Он оставляет заимствование как нейтральную территорию, где профессиональное бытие может разворачиваться без оглядки на архаические иерархии.

Философский вывод таков: выбор между исконным и заимствованным термином — это не борьба за «чистоту», а экзистенциальный компромисс. Язык как дом бытия не требует от нас насильственной архаизации. Он требует слышания: когда исконное слово точнее — оно звучит; когда оно несёт в себе непереносимый груз истории — язык уступает место «чужому», чтобы сохранить коммуникативный мир.

Таким образом, замещение — это не лингвистическая директива, а естественная герменевтика профессии, где каждый термин проверяется на прочность не только логикой, но и экзистенцией.

Список источников

1. Дубичинский В. В. Теоретическая и практическая лексикография. Харьков : НТУ «ХПИ», 2019. 280 с.

2. Епимахова А. Ю. Заимствованный термин vs. исконный термин (к проблеме формы и содержания в терминологии) // Научно-техническая терминология: материалы XI Международной конференции «Нормативное и описательное терминоведение» (вып. 1, отв. ред. А. Д. Козлов). М. : Стандартинформ, 2006. С. 42–45.

3. Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

4. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М. : Элпис, 2011. 152 с.

5. Невелев А. Б. Философское обновление оснований: переразметка бытия // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. С. 7–8.

6. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология? // Вопросы терминологии: материалы Всесоюзного терминологического совещания. М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 46–54.

7. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / под ред. Л. П. Крысина. М. : Языки славянских культур, 2008. 712 с.

8. Юнг К. Г. Архетип и символ. М. : Ренессанс, 1991. 304 с.

Информация об авторе

А. Ю. Епимахова — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных и романо-германских языков факультета Евразии и Востока.

Information about the author

A. Yu. Epimakhova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Eastern and Romance-Germanic Languages at the Faculty of Eurasia and East

Статья поступила в редакцию 04.06.2026; одобрена после рецензирования 06.07.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 04.06.2026; approved after reviewing 06.07.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.